

INSPIRIA

КАНАЭ МИНАТО
ИСКУПЛЕНИЕ

推理

Эти девочки виновны
в смерти моей дочери. И если они
не найдут ее убийцу, клянусь:
я им отомщу. Каждой из них...

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Япония

Канаэ Минато

Искупление

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.521-312.4

ББК 84(5Япо)-44

Минато К.

Искупление / К. Минато — «Эксмо», 2012 — (Ток.
Национальный бестселлер. Япония)

ISBN 978-5-04-196612-6

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР. ПО РОМАНУ СНЯТ КУЛЬТОВЫЙ В ЯПОНИИ СЕРИАЛ. Автор – признанный мастер стиля иямису, исследующего темные стороны человеческой души. Это одно из основных направлений в современном японском детективе. Пятеро девочек-школьниц играли в волейбол рядом со школьным бассейном. К ним подошел мужчина и попросил помочь проверить вентиляцию в раздевалке. Он выбрал одну из девочек и увел ее, а остальные просто продолжили игру. Спohватившись, что подруги нет слишком долго, они пошли за ней. И с ужасом увидели ее мертвое тело... Сколько девочек ни допрашивали, они никак не могли вспомнить лицо убийцы. Тогда мать погибшей собрала их вместе и обвинила в смерти дочери. Она сказала: «Я не прощу вас, пока вы не найдете убийцу. Если вы не сможете это сделать, найдите другой способ искупить свою вину, который я приму. Если вы не сделаете ни того, ни другого, говорю вам здесь и сейчас: я вам отомщу, каждой из вас». И жизнь девочек на долгие годы превратилась в кошмар... Этот роман бьет в самое сердце, заставляя всерьез задуматься об ответственности за поступки, которые мы совершили, – или, наоборот, не совершили, что оказалось еще хуже...

«Это японская Гиллиан Флинн...» – Los Angeles Times «Напряженная психологическая драма... наполненная странными переплетениями случайного и закономерного, свободы воли и манипуляции, приземленного и причудливого». – Wall Street Journal «Минато обнажает язвы, скрытые под безупречной кожей японского общества». – Publishers Weekly «Как раз когда вы думаете, что знаете, к чему идет дело, Канаэ Минато поднимает очередной занавес, открывая еще одно лицо тайны». – Дженни Милчман «Не обманывайтесь гипнотической красотой прозы Канаэ Минато. По мере того, как персонажи романа раскрывают свои секреты, обнажается темное

сердце повествования. Безупречное, захватывающее чтение». – Хилари Дэвидсон «Канаэ Минато – блестящая рассказчица». – Эмили Сент-Джон Мандел

УДК 821.521-312.4

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-196612-6

© Минато К., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Французская кукла	9
Внеплановое собрание родительского комитета	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Канаэ Минато

Искушение

SHOKUZAI © Kanae Minato 2012.

All rights reserved. First published in Japan in 2012 by Futabasha Publishers Ltd., Tokyo.

Russian translation rights arranged with Futabasha Publishers Ltd. through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo

© Кривцова Е.М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2024

* * *

КАНАЭ МИНАТО ИСКУПЛЕНИЕ

Французская кукла

Дорогая Асако, большое спасибо за то, что пришли на мою свадьбу.

Честно говоря, во время церемонии я все время волновалась, что толпа моих родственников, приехавших из маленького городка, сразу напомнит все, что там когда-то случилось, и расстроит вас. Кажется, они сами не понимают, какое впечатление иногда производят на людей.

Кристалльно чистый воздух – единственное, чем они могут похвастаться. Я впервые это поняла, когда семь лет назад, после окончания школы, уехала учиться в женский колледж в Токио и четыре года прожила там в общежитии. Мои родители были категорически против того, чтобы я училась в столице. «Тамошняя грязная жизнь может втянуть тебя в проституцию, – уверяли они. – И что тогда? Что ты будешь делать, если подсядешь на наркотики? Тебя могут и убить...»

Вы выросли в городе, Асако, и наверняка посмеетесь, когда это прочитаете, удивитесь, – как такое могло прийти им в голову?

– Вы слишком часто смотрите «24 Сити», – пыталась бороться я, вспоминая любимое телевизионное шоу родителей. Но, по правде говоря, мне и самой нередко представлялось нечто в этом роде. Тем не менее я очень сильно хотела уехать в столицу.

– Что такого особенного в Токио? – возражал отец. – В нашей префектуре тоже есть колледжи, предлагающие обучение по специальности, которая тебя интересует. Если тебе не хочется каждый день ездить, можно снять квартиру рядом с колледжем, здесь они дешевле. А если что вдруг случится, ты всегда сможешь приехать домой. Всем будет спокойнее.

– Будет спокойнее? Шутишь? Ты же прекрасно знаешь, в каком страхе я прожила здесь последние восемь лет.

Как только я это сказала, они перестали мне возражать. Разрешили уехать в Токио, но при одном условии: я должна жить в общежитии, а не одна в съемной квартире. Я согласилась.

До этого я ни разу не была в Токио, и он мне показался абсолютно другим миром. Когда я впервые вышла из синкансэн¹, на вокзале было полно народа – сплошная толпа, насколько хватает глаз. Возможно, там было больше людей, чем во всем нашем городке. Самое удивительное, что все каким-то чудом передвигались, не задевая друг друга. Пока я добиралась до нужного места, останавливаясь и проверяя, правильно ли иду к метро, я ни разу ни с кем не столкнулась.

Удивилась я и когда попала в метро. Пассажиры практически не разговаривали между собой, даже те, кто вместе сел в вагон. Изредка раздавался смех или долетали обрывки разговоров, но обычно это были иностранцы, а не японцы.

В младших классах я ходила в школу пешком; повзрослев, добиралась на велосипеде. На поезде же ездила всего пару раз в год, когда мы с подругами или с семьей отправлялись в соседний город – в универмаг или торговый центр. И в течение всего часа в поезде мы болтали без умолку. Что надо купить? В следующем месяце у них дни рождения, надо им что-то подарить. Где пообедаем? Пойдем в «Макдоналдс» или в «Кей-эф-си»?.. Болтали в пути не только мы. В поезде было много людей, и все они разговаривали и смеялись, никто не возражал, поэтому я и считала, что так себя вести нормально.

Неожиданно мне пришло в голову, что токийские жители не замечают своего окружения. Люди вокруг их не интересуют. Пока сидящий рядом человек ничем их не беспокоит, им на него вообще наплевать. Совсем неинтересно, как называется книга, которую читает кто-то

¹ «Синкансэн» – высокоскоростная сеть железных дорог в Японии и общее название поездов, передвигающихся по таким дорогам.

напротив тебя. Даже если прямо перед тобой стоит человек с дорогой дизайнерской сумкой, никто не обращает на него ни малейшего внимания.

Как только я это поняла, сразу перестала плакать. «Люди могут подумать, что я скучаю по родному городу, – думала я, – провинциалка с огромной сумкой, сидит там и ревет...» Мне стало неловко; я вытерла слезы, беспокойно посмотрела по сторонам, но ни один человек даже не взглянул на меня.

Вот тогда я и поняла: Токио гораздо прекраснее, чем я его представляла. Я приехала сюда не ради дорогих магазинов и престижных развлечений, а для того, чтобы раствориться в толпе людей, которые ничего не знают о моем прошлом, и исчезнуть.

Если говорить точнее, я очень хотела исчезнуть навсегда, потому что в прошлом я стала свидетелем убийства, и человек, его совершивший, до сих пор гулял на свободе...

В общежитии нас в комнате было четверо, все из далеких от столицы сельских мест. В первый день каждый хвастался своим родным городом. «У нас самая вкусная лапша удон», – говорил кто-то. «У нас отличные горячие источники», – важничал другой. «Дом моих родителей рядом с домом знаменитого игрока в бейсбол из высшей лиги», – не уступал третий... Что-то вроде этого. Еще три девочки были из маленьких городков, но по крайней мере я слышала раньше эти названия.

Когда же я назвала им свой, никто не мог даже сообразить, в какой префектуре он находится.

– Что это за место? Что там у вас есть? – спрашивали они, и я ответила:

– Там кристально чистый воздух.

Я знаю, Асако, вы бы точно поняли, что я это сказала не потому, что больше гордиться нечем.

Я родилась в сельской местности и дышала каждый день, не задумываясь ни на минуту о том, какой там воздух. Впервые я об этом услышала, когда начала учиться в четвертом классе, весной того года, когда произошло убийство.

Однажды наша учительница по обществоведению, госпожа Савада, сказала нам:

– Все вы живете в районе Японии с самым чистым воздухом. Знаете, почему я вам это говорю? Точные инструменты, которые используют в больницах и исследованиях, должны производиться в очень чистой среде. Поэтому производства открывают только в местах с очень чистым воздухом. А в этом году компания «Адачи маньюфэкчуриг» построила здесь новый завод. И то, что производитель самого точного оборудования в Японии решил построить завод именно здесь, говорит о том, что тут самый чистый воздух во всей стране. Поэтому вы должны гордиться тем, что живете в этом замечательном городе.

После урока мы спросили Эмили, правда ли то, что сказала учительница.

– Папа сказал то же самое, – ответила она.

Таким образом, вопрос был решен. Раз Эмили подтвердила, значит, в нашем городе и в самом деле чистейший воздух. Мы безоговорочно поверили ее отцу не потому, что он, человек свирепого вида с тяжелым взглядом, занимал в этой компании какое-то высокое положение, а потому, что он был из Токио.

В то время в нашем городе не было ни одного минимаркета, но мы не придавали этому никакого значения. Мы принимали жизнь такой, какой она была. По телевизору мы видели рекламу куклы Барби, но сами никогда не держали ее в руках. Для нас куда более ценными были модные французские куклы, которые местные жители с гордостью выставляли в своих гостиных.

Однако после появления нового завода у нас возникло странное непривычное ощущение. Из-за Эмили и других учеников, приехавших из Токио, наш образ жизни, представлявшийся нам до сих пор абсолютно нормальным, стал казаться неуклюжим и отсталым.

Все, связанное с приезжими, не было похоже на то, к чему мы привыкли, начиная с того, где они жили. После начала работы компании «Адачи маньюфэкчуриг» в городе она построила жилой дом для своих сотрудников, первое в местной истории здание выше пяти этажей. Его старались создать в гармонии с окружающей средой, но для нас оно выглядело как замок на каком-то отдаленном острове.

Однажды Эмили пригласила девочек из класса, живших в западном районе города, где и стояло это новое здание, к себе домой. Ее квартира находилась на последнем, седьмом этаже. Я так волновалась накануне этого похода, что ночью практически не спала.

Приглашение получили четверо – я, Маки, Юка и Акико; все давнишние подружки, мы выросли в одном районе.

Как только мы вошли в квартиру Эмили, нам показалось, что мы попали в другую страну. Первым откровением стала открытая планировка. Мы тогда и понятия не имели о совмещении гостиной с кухней – огромное общее пространство нас поразило. Можно было смотреть телевизор, готовить и есть в одной комнате, разделяющих стен не было.

Нас угостили английским чаем; его подали в чашках, которые нам, детям, категорически не разрешалось трогать дома. Чайник имел такой же рисунок, что и чашки, а на таких же тарелочках лежали пирожные с невиданными фруктами. Я узнала только клубнику. В полном восхищении я наелась ими, чувствуя при этом, будто что-то не так.

После чая мы решили поиграть в кукол, и Эмили принесла из своей комнаты Барби в пластиковом футляре в виде сердца. Сама кукла была одета точно так, как Эмили в тот день.

– В Сибуе² есть магазин, где можно купить точно такую же одежду, как у Барби. Родители подарили мне ее на прошлый день рождения. Да, мама?

Единственное, о чем я в тот момент мечтала, – как бы поскорее выбраться оттуда.

Именно тогда кто-то из девочек сказал:

– Эмили, а можешь показать нам вашу французскую куклу?

– Что это такое? – Она смотрела на нас непонимающим взглядом.

У Эмили такой куклы не было. Она даже не поняла, о чем речь. Я вышла из состояния смущения и воспрянула духом. Естественно, что Эмили ничего не знала о французских куклах. В нашем городе они были традиционным символом статуса.

Все наши старые деревянные, построенные в японском стиле дома были похожи. Комната рядом со входом – гостиная – обычно была оформлена в европейском стиле; там обязательно висела люстра и в специальной стеклянной витрине стояла французская кукла. Они находились там по многу лет, а примерно за месяц до приезда Эмили в нашем городе неожиданно появилось новое развлечение – девочки стали ходить по домам, чтобы с восторгом рассматривать разных кукол.

Сначала мы навещали только знакомых, но скоро начали забегать и в дома других людей, живущих неподалеку. Городок маленький, почти всех мы знали в лицо, комнаты с куклами находились рядом со входом, поэтому практически никто не отказывался пускать нас посмотреть.

Вскоре мы начали делать записи, «памятки», как мы их называли, где указывали рейтинг увиденных кукол. Тогда нельзя было так легко фотографировать, как сейчас, поэтому мы зарисовывали кукол цветными карандашами.

В основном рейтинг кукол зависел от их одежды, но мне нравилось разглядывать их лица. Мне казалось, что люди выбирают похожих на себя и они напоминают мать семейства или кого-то из детей.

Эмили сказала, что хочет посмотреть на французских кукол, и мы провели ее по десяти домам, где, с нашей точки зрения, были самые красивые. После этого она предположила, что

² Сибуя – район Токио.

остальные дети из ее дома тоже раньше никогда не видели ничего подобного, поэтому пригласила еще несколько человек, и мы все вместе обошли разные дома. Мы даже не знали, из каких они классов и как их зовут. Почему-то несколько мальчишек тоже оказались в этой компании.

Хозяин первого дома, в который мы зашли, спросил:

– Значит, у вас тур под названием «Французские куклы»?

Нам так понравились эти слова, что мы в тот день так и окрестили наш выход – «тур французских кукол».

Кукла в моем доме занимала второе место в общем списке. Вырез ее розового платья и подол были обшиты мягкими белыми перышками, на плечах и на талии красовались довольно крупные темные розы. Но больше всего мне нравилось, что ее лицо было похоже на мое. Я даже дорисовала ей под правым глазом маркером небольшую родинку, как у меня, что очень огорчило маму. А еще мне нравилось, что невозможно было определить возраст куклы – то ли она взрослая, то ли ребенок.

– Разве она не классная? – хвасталась я. Но дети уже потеряли к ней интерес, и я помню, что меня это очень расстраивало.

После того как мы посетили последний дом, Эмили повела итог:

– Я все-таки думаю, что Барби лучше.

Она не сказала – скорее всего, не из желания нас обидеть – ни одного доброго слова о французских куклах, и те вдруг перестали казаться нам самым прекрасным в жизни, превратившись в нечто бесполезное. С того дня наши игры с ними прекратились и мои «заметки» уехали в глубину выдвижного ящика.

Но спустя три месяца слова «французские куклы» были у всех на устах из-за так называемой кражи французских кукол. Не знаю, Асако, что вы об этом слышали.

В конце июля, вечером, во время летнего праздника Обон³, из пяти домов, включая мой, украли кукол. Больше ничего не взяли, и дома никак не пострадали. Лишь французские куклы исчезли из своих стеклянных витрин. Такое вот странное происшествие.

Празднование происходило в городском административном центре. В шесть часов начались традиционные танцы, в девять – конкурс караоке; все завершилось к одиннадцати. Для города это было большое событие, жители организовали угощение – арбузы, мороженое, лапша сомен, бесплатное пиво. Были и ларьки, где продавали сладкую вату и ледяную стружку с фруктовыми сиропами.

Все пострадавшие дома объединяли две вещи – те, кто там жил, ушли на праздник, и ни в одном не были заперты входные двери. В то время, я думаю, большинство домов оставляли открытыми. Если нужно было что-то отнести соседям, а их в тот момент не было дома, просто заходили внутрь и оставляли там то, что собирались передать. Так люди тогда поступали.

Из-за нашего «тура французских кукол» полиция сразу же решила, что это просто детская шалость, однако злоумышленники и куклы так и не были найдены, и в конце концов все это ушло в прошлое как странное событие во время праздника.

Помню, как отец меня ругал:

– Это все из-за того, что вы толпой таскались по домам. Те дети, у которых не было французских кукол, позавидовали и решили их украсть.

С этой неприятности начались наши летние каникулы, но мы все равно каждый день проводили на улице. Особенно нам нравилось ходить в бассейн около начальной школы⁴. С утра мы примерно час занимались школьными заданиями, а потом бежали в бассейн. Он закрылся в четыре, а мы до темноты играли на территории школы.

³ Обон – один из самых главных и массовых буддистских праздников в Японии. Отмечается летом. Люди возвращаются в родные места, чтобы почтить память предков в семейном кругу.

⁴ Школьное образование в Японии делится на три ступени – начальная школа (6 лет), средняя (3 года) и старшая (3 года). Обычно они размещаются в разных зданиях.

Теперь даже в сельских начальных школах предусмотрены меры безопасности. Никому, даже детям, не разрешают находиться на территории школы во время каникул или выходных. Но тогда мы могли резвиться там до захода солнца, и никто не возражал.

Иногда, если мы приходили домой до того, как из громкоговорителей раздавалась мелодия «Зеленые рукава», оповещая всех, что сейчас шесть часов вечера, дома нас спрашивали, всё ли в порядке, не поссорились ли мы с друзьями.

Сразу после убийства в тот день – и много раз позднее – я подробно рассказывала все, что только могла вспомнить. Рассказывала полиции, учителям в школе, родителям – своим и чужим – и вам, Асако, и вашему мужу. Но сейчас я хочу еще раз описать все события в том порядке, как они происходили. Вероятно, я сделаю это в последний раз...

В тот день, вечером четырнадцатого августа, детей на улице было мало. Большая часть ребят, с которыми мы обычно играли, либо разъехались, отправившись навещать родственников, либо сами были заняты с гостями, как это принято во время праздника Обон. На школьной площадке играли только мы пятеро: я, Маки, Юка, Акико и Эмили.

Мы четверо, постоянные жители этого города, жили с нашими бабушками и дедушками, или они жили отдельно, но близко, поэтому Обон для нас не был временем путешествий, и мы, как обычно, вышли погулять.

Большинство тех, кто переехал сюда из Токио и трудился на заводе «Адачи», отправились во время праздника домой. Отец Эмили работал все праздничные дни, как она нам сказала, и поэтому Эмили тоже осталась в городе. В конце августа они собирались всей семьей съездить отдохнуть на Гуам.

«Тур французских кукол» внес некоторую неловкость в наши отношения с Эмили, но скоро все забылось и мы опять стали друзьями. Возможно, этому способствовало то, что Эмили с энтузиазмом играла в «исследователей», модную тогда у нас игру.

Во время всех праздничных дней бассейн был закрыт, поэтому мы играли на волейбольной площадке на территории школы, в тени, рядом со спортзалом. Мы стояли кружком и перекидывали друг другу мяч. Нам это очень нравилось; мы старались отбить мяч сто раз так, чтобы он за это время ни разу не коснулся земли.

Именно тогда появился тот мужчина.

– Эй, девчонки, у вас есть минутка? – услышали мы.

Он был в серой рабочей рубашке с желтовато-зеленым оттенком, рабочих брюках, с белым полотенцем вокруг головы.

От неожиданности Юка, которая и так была в тот день не в форме, выронила мяч. Мужчина поднял его, поскольку тот откатился в его сторону, и подошел к нам. Широко улыбаясь, он четко сказал:

– Я должен проверить вентиляцию в раздевалках в бассейне, но я совершенно забыл, что нужна лестница. Там просто надо подкрутить несколько шурупов. Кто-нибудь из вас может меня выручить – сесть мне на плечи и затянуть винтики?

Сегодня даже ученик младших классов в подобной ситуации проявил бы бдительность. Школы не считаются безопасным местом. Если б тогда мы знали об этом, возможно, ничего бы не случилось. Может быть, надо было научить нас правильно себя вести – кричать или бежать прочь, – если с нами заговорит посторонний человек?

Но в нашем маленьком сельском городке максимум, о чем нас предупреждали, – не садиться в чужие машины, если нам пообещают жвачку или конфетку, или скажут, что кто-то из родителей заболел и нас отвезут к нему. Поэтому мужчина не вызвал у нас никакого подозрения. Не могу наверняка сказать про Эмили, но остальные точно ни о чем не беспокоились. Напротив, услышав слово «выручить», мы стали соревноваться за право оказать помощь.

– Я самая маленькая, меня посадить легче всего.

– А что, если ты не дотянешься до вентилятора? Может, лучше я? Я самая высокая.

– А кто-нибудь из вас в состоянии затянуть шурупы? Я сильная, давайте я.

Думаю, мы все говорили что-то в этом роде. Эмили не произнесла ни слова. Мужчина рассматривал нас, будто прикидывая, кто больше подходит.

– Слишком маленьких или больших не надо... – проговорил он. – А у тебя могут упасть очки, тоже плохо. А ты, наверное, немного тяжеловата.

Наконец он повернулся к Эмили.

– Вот ты – что надо.

Эмили смотрела на нас несколько испуганно. Маки, возможно, расстроенная, что Эмили ее переиграла, предложила пойти всем вместе. Мы трое поддержали.

– Спасибо, – возразил мужчина, – но раздевалка-то маленькая; если все туда пойдут, будет трудно работать, а я не хочу, чтобы кто-то поранился. Так что вы оставайтесь тут, хорошо? Это недолго. А потом я всем вам куплю по мороженому.

Как мы могли ему возразить?

– Пошли, – сказал он, взял Эмили за руку и повел ее через школьную площадку. Бассейн был довольно далеко от нас, и мы снова стали играть в волейбол, еще до того как оба они исчезли из виду.

Какое-то время мы поиграли, а потом уселись в тени, на ступеньки у входа в спортзал, поболтать. Меня никуда не хотят везти на летние каникулы. Жалко, что дедушкин дом так близко. Эмили на следующей неделе поедет на Гуам. Гуам – это часть Америки? Или страна называется Гуам? Я не знаю... Везет Эмили! Сегодня она опять одета, как Барби. Она такая хорошенькая! Такие глаза ведь называют миндалевидными, правда? Она клево выглядит. А ее родители оба выглядят как пучеглазые пришельцы. А какая классная у нее мини-юбка! У Эмили такие длинные ноги! Кстати, вы слышали? У Эмили уже началось *это*. Что ты имеешь в виду – *это*? Саэ, ты что, правда не понимаешь?

Тогда впервые в жизни я услышала слово *менструация*.

Девочек в школе должны были собрать годом позже, в пятом классе, чтобы поговорить об этом, и моя мама ничего пока мне не рассказывала. У меня не было старшей сестры или какой-нибудь старшей родственницы, которая могла бы меня просветить, поэтому я вообще не понимала, о чем они говорят.

У остальных трех моих подруг были старшие сестры, а может быть, их мамы уже сочли нужным все им рассказать, и они начали наперебой объяснять мне, демонстрируя отличное знание темы.

Менструация – это подтверждение того, что твой организм способен иметь детей, говорили они. Кровь вытекает у тебя между ног. А? Ты спрашиваешь, может ли Эмили иметь детей? Правильно, так и есть. Твоя старшая сестра, Юка, тоже? Понятно. У меня тоже, наверно, скоро начнется, мама уже купила мне для этого специальное белье. Что? Ты тоже, Маки? Говорят, что у крупных девочек начинается в пятом классе. Саэ, у тебя не будет до средней школы. Но к старшей школе, говорят, уже есть у всех. Это, понятное дело, розыгрыш. Я имею в виду, в средней школе ни у кого нет детей. Это потому, что они их не делают. Не делают? Саэ, ты хочешь сказать, что не знаешь, откуда дети берутся? Ну да, когда замуж выходят. Действительно! Девочки занимаются с мальчиками грязными делами, вот откуда.

...Надеюсь, вы не порвете мое письмо, прочитав весь этот бред.

Увлеченные беседой, мы вдруг услышали, что играют «Зеленые рукава», то есть уже шесть вечера.

– Сегодня приезжает мой двоюродный брат со своей девушкой, мне велели прийти домой к шести, – сказала Акико.

Поскольку дни были праздничные, все мы решили, что надо появиться дома пораньше, и отправились за Эмили. Когда мы пересекали школьную площадку, я обернулась и обратила

внимание на то, как удлинились тени, с тех пор как мы закончили играть в волейбол. Вдруг я поняла, как много времени прошло с момента ухода Эмили, и стала беспокоиться.

Бассейн был огорожен сеткой из металлической проволоки; калитка была не заперта, просто закрыта. Думаю, до событий того года летом всегда бывало так.

От калитки надо было подняться по ступенькам, дальше стояли два сборных типовых домика – раздевалки. Справа для мальчиков, слева для девочек. Когда мы подходили к бассейну, меня удивила тишина.

В раздевалках были раздвижные двери, и, разумеется, они тоже не были заперты. Маки шла впереди, и именно она открыла дверь в женскую раздевалку.

– Эмили, вы закончили? – прокричала она, сдвигая дверь. – Эй?

Никто не отвечал.

– Может, они закончили и она пошла домой, – предположила Акико.

– А как же мороженое? Или он купил его только для Эмили? – раздраженно сказала Юка.

– Это нечестно, – возмутилась Маки.

– А они не там? – Я показала на раздевалку для мальчиков, но оттуда не раздавалось никаких звуков.

Акико, все еще глядя на нас, сдвинула входную дверь в мужской раздевалке, и мы трое задержали дыхание.

– Чт...т... – Акико не смогла ничего произнести, развернулась и завизжала.

Эмили лежала на коврике посередине, головой ко входу.

– Эмили? – испуганно позвала Маки, а потом мы хором прокричали ее имя. Но Эмили лежала там неподвижно, с открытыми глазами.

– Господи! – закричала Маки. Если б она в тот момент произнесла слова «она мертва», мы, наверное, впали бы в такой ужас, что сразу пулей помчались бы домой.

– Надо кого-нибудь позвать, – сказала Маки. – Акико, ты бегаешь быстрее всех, давай к дому Эмили. Юка, а ты беги в полицию. Я поищу учителей, а ты, Саэ, оставайся тут.

Как только Маки договорилась, все сразу разбежались. Это был последний раз, когда мы действовали все вместе, вчетвером. Не думаю, что все, что я сказала, как-то отличалось от показаний остальных подруг.

Много раз нас допрашивали всех вместе о том, что происходило до убийства, но не интересовались подробностями происшедшего после того, как мы нашли Эмили. Между собой мы не обсуждали убийство, поэтому не знаю точно, что делали девочки после того, как мы зашли в раздевалку.

Я осталась там одна после их ухода – и снова посмотрела на Эмили. На ней была черная майка с розовым логотипом Барби спереди, но она была задрана так высоко, что его практически не было видно. Я смотрела на ее белый живот и небольшие выпуклости груди. Ее клетчатая юбочка в складку была тоже закручена наверх, и нижняя часть тела без трусиков оказалась выставлена полностью напоказ.

Мне велели ее охранять, но я чувствовала, что, если придет кто-то из взрослых, они будут ругать меня за то, что я оставила ее лежать в таком виде, незакрытой. «Бедная девочка! – скажут они. – Почему ты ее ничем не прикрыла?» Я ничего плохого Эмили не сделала, тем не менее мне казалось, что они обвинят меня. В сомнениях я зашла внутрь раздевалки.

Первое, что я сделала, – достала носовой платок и закрыла им ее раскрытые глаза и рот, из которого что-то капало. Стараясь не смотреть на Эмили, аккуратно взяла пальцами край ее футболки и раскрутила ее вниз. По всему животу было что-то белое, липкое, но я тогда не имела представления, что это такое. Я опустила и юбку тоже. Когда присела на корточки, увидела, что ее скомканные трусики валяются в стороне, на нижних шкафчиках.

Что мне делать с ее трусами? Я не знала, как поступить. Я смогла привести в порядок ее футболку и юбку, не трогая тело, но с трусами это было невозможно. Я бросила взгляд на широко раздвинутые длинные белые ноги Эмили и увидела, как по ним стекает кровь.

Вот тогда я действительно перепугалась и бросилась вон из раздевалки.

Думаю, я смогла, отдавая себе отчет в том, что она мертва, дотронуться до ее одежды, потому что Эмили была задушена и не было крови. Как только я выскочила на улицу, увидела перед собой бассейн, и он напугал меня. Я замерла на месте. Очень скоро солнце почти закатилось и поднялся ветер. Я смотрела на рябь на воде, и мне казалось, что меня могут утащить в глубь бассейна. Говорят, что во время Обона – праздника призраков – если пойти купаться, то мертвец может схватить тебя за ногу. Я слышала это предупреждение каждый год, и сейчас оно звучало у меня в голове. Мне стало казаться, что Эмили может ожить и, чтобы забрать меня в страну мертвых, столкнуть в бассейн. Я закрыла глаза, села на корточки, зажала уши руками и стала пронзительно кричать – *aaaaaaa!!!* – так громко, что, казалось, горло разорвется.

Почему я не могла потерять сознание? Если б я упала тогда в обморок, то сейчас моя жизнь была бы совсем другой.

Не знаю, как долго это продолжалось, но первая, кого я увидела, были вы, Асако. Уверена, вы помните, что произошло потом, поэтому здесь я напишу только о том, что случилось со мной.

Юка вернулась с местным полицейским, потом появилась моя мама, обеспокоенная моим отсутствием. Она подозревала – что-то случилось. Мама посадила меня к себе на спину и унесла домой. Мне кажется, я плакала еще громче, чем кричала у бассейна.

Мама сперва не приставала ко мне с расспросами. Она положила меня на подушки для сидения, дала мне холодный ячменный чай, погладила меня по спине, а потом прошептала: «Какое счастье, что с тобой ничего не случилось, Саэ».

Ее голос меня успокоил, я закрыла глаза и провалилась в сон.

То, что я пишу здесь, мало чем отличается от моих слов, произнесенных сразу после убийства. Думаю, что все четверо дали достаточно четкие показания, учитывая, чему мы стали свидетелями.

Однако есть одна вещь, которую мы не могли сказать с уверенностью, и даже сейчас я очень об этом сожалею. Никто из нас не смог это вспомнить.

Все, что случилось в тот день, я вижу очень ясно, как на экране телевизора, но почему-то не в состоянии вспомнить лицо этого мужчины.

- У мужчины на голове было повязано белое полотенце.
- На нем была серая рабочая одежда.
- Разве она не была чуть зеленоватого оттенка?
- Сколько ему было лет? Ну, сорок, или, может быть, пятьдесят...

Хотя все мы помнили общий облик этого человека, никто не в состоянии был вспомнить его лицо. Был он высокий или нет? Толстый или худой? Лицо круглое или узкое? Глаза большие или маленькие? Его нос, рот, брови? Родинки или шрамы? Даже когда его внешний вид разобрали на части, мы не могли ничего толком сказать и только мотали головой.

Одно было точно – раньше мы никогда его не видели.

Какое-то время это убийство было единственной темой разговоров в нашем маленьком провинциальном городке. Один родственник даже специально пришел к нам, чтобы расспросить меня об убийстве, просто из чистого любопытства. Мама выставила его вон.

Люди стали вспоминать кражу французских кукол и связывать ее с тем, что произошло в бассейне. Может быть, говорили они, в городе или где-то поблизости появился извращенец, который любит маленьких девочек. Он украл кукол, на этом не успокоился и убил девочку, красивую, как куколка.

Жители города нашептывали друг другу эти слухи как нечто очень вероятное.

Полиция снова начала допрашивать тех, у кого пропали куклы, и это окончательно убедило всех в том, что оба преступления совершены одним и тем же извращенцем, любителем девочек. Однако я совсем так не думала. Меня тоже можно было описать как *маленькую невинную девочку*.

С момента убийства, если я не была на чем-то сосредоточена, все время представляла мертвую Эмили. Изображение всегда бывало черно-белое, а кровь, стекающая у нее по ногам, – ярко-красная. При этом мое собственное лицо накладывалось на лицо Эмили и голова начинала страшно болеть. Чтобы унять эту пульсирующую боль, я обхватывала голову руками. И одна и та же мысль пролетала в моем сознании:

Слава богу, что это случилось не со мной.

Уверена, что вы считаете – как ужасно так думать!

Понятия не имею, что чувствовали три мои подруги. Возможно, они просто расстраивались, а может, считали себя виноватыми в том, что не могли спасти Эмили. Я же могла только переживать за себя.

Сразу после мысли «слава богу, это случилось не со мной» приходила следующая – «почему с Эмили?». И у меня был четкий ответ на этот вопрос. Потому что из нас пятерых только она достигла зрелости. Эмили стала взрослой, и поэтому тот мужчина сделал с ней что-то ужасное и убил ее.

Мужчина – убийца – искал девочку, которая только недавно стала взрослой.

Прошел месяц, потом полгода, год, а преступника так и не нашли. Мне кажется, Асако, вы вернулись в Токио через три года после убийства. Интересно, понимаете ли вы, что я пишу это письмо из-за той договоренности?

Время шло, и чем реже люди вспоминали про убийство, тем больше во мне рос страх. Даже если я не помню лицо убийцы, он вполне мог запомнить мое. Он мог считать, что мы знали его в лицо, и прийти убивать меня и остальных девочек. Взрослые долго держали нас под постоянным присмотром, но постепенно он ослабевал. А вдруг убийца выжидал, когда все мы окажемся снова сами по себе, без взрослых?

Мне постоянно казалось, что он за мной наблюдает. То в щелочку окна, то в тени здания или из проезжающей мимо машины.

Я жила в страхе, в ужасе. Я не хотела, чтобы меня убили. Для того чтобы избежать этой участи, надо было во что бы то ни стало добиться одного – *не повзростеть*.

Со временем образ убийцы слегка поблек в моем сознании, хотя иногда мне казалось, что за мной кто-то наблюдает. В средней и старшей школе я играла в ансамбле духовых инструментов и помногу репетировала каждый день, поэтому для воспоминаний о прошлом оставалось не так много времени.

Правда, это не означало, что я морально и физически освободилась от убийцы навсегда. Обстоятельства заставили меня понять это, когда мне исполнилось семнадцать – я была самой младшей ученицей в старшей школе.

В семнадцать у меня все еще не было месячных, и хотя я отличалась хрупким телосложением, это не объясняло ситуацию. Возможно, в таком возрасте еще можно было считать положение дел нормальным, но мама хотела, чтобы я обязательно показала врачу. Поэтому я поехала в отделение гинекологии префектурной больницы в соседнем городке.

Школьнице требуется немало смелости, чтобы пойти в женскую клинику. И хотя до этого момента я вообще не задумывалась о том, почему у меня нет менструаций, я предполагала, почему так происходит, и в то же время надеялась, что это не может быть истинной причиной. Мне, разумеется, очень не хотелось иметь какую-то реальную гинекологическую проблему, поэтому я взяла себя в руки и отправилась к врачу.

В нашем городе была частная женская клиника, но я не могла допустить, чтобы кто-то увидел, как я туда захожу. Я практически не общалась с мальчиками, ни с кем не встречалась,

но меня приводила в ужас мысль о грязных слухах, которые сразу же все начнут смаковать. Поэтому я и поехала в соседний городок.

Анализы не показали никаких отклонений, и врач сказал, что проблема может быть психологического характера.

– У тебя в школе или дома нет стрессовых ситуаций? – спросил он.

Когда я узнала, что месячные могут начинаться и прекращаться по психологическим причинам, все стало понятно. «Если я стану взрослой, меня убьют, – думала я. – Если у меня начнутся месячные, меня убьют». Я все время навязывала это своему организму, сперва целенаправленно, потом постепенно это стало подсознательным. Даже если я и не думала постоянно про убийство, оно все равно находилось где-то глубоко в моем подсознании.

В больнице посоветовали консультации и регулярные инъекции гормонов. Я сказала, что посоветуюсь с родителями. Больше я в клинике не была. Отчиталась маме, что у меня всё в порядке, просто позднее развитие. Сама же еще больше стала просить судьбу, чтобы у меня не начинались месячные до того, как истечет срок давности по убийству.

Даже если б я уехала из города, затерялась в токийской толпе и жила бы среди тех, кто ничего не знает о происшедшем, – кто мог бы с уверенностью сказать, что я снова не встречу с убийцей? Мой организм, еще детский, будет меня охранять, давать чувство безопасности, которое мне так необходимо.

Я не очень надеялась, что убийцу арестуют. Мысли о нем поднимали в душе все переживания. Я радовалась тому, что срок давности скоро истечет и я буду свободна от своего прошлого.

Асако, это не имеет никакого отношения к нашей договоренности.

И тем не менее я никогда не думала, что увижу вас снова.

* * *

После окончания женского колледжа с дипломом специалиста по английскому языку я попала на работу в небольшую компанию, которая в основном занималась красителями. Независимо от того, получили ли выпускники дипломы в области естественных или гуманитарных наук, все новые сотрудники проводили первые два года в лаборатории. Делали это для того, чтобы научить нас разбираться в продукции, с которой имеет дело фирма.

Впервые после уроков химии в старших классах школы я взяла в руки пробирки и мензурки и в первый раз увидела приборы, которые стоили десятки миллионов иен. Газовая хроматография, жидкостная хроматография – вот что делают эти прямоугольные и квадратные приборы, объясняли нам. Но все это пролетало у меня мимо ушей. Однако логотип на машинах привлек мое внимание.

«*Адачи маньюфэкчуринг*». Оказывается, их сделали в моем родном городе, с его чистым хрустальным воздухом. Я почувствовала некоторое родство с ними, когда поняла это. Но одновременно нахлынуло чувство отвращения, как будто город не отпускал меня. И сразу после начала работы в компании у меня в душе ощущалась смесь этих эмоций.

На третьем году моей работы на фирме ко мне вдруг подошел заведующий лабораторией, чтобы поговорить о возможном кандидате мне в мужья. Это произошло сразу после завершения двухгодичного пребывания в лаборатории, когда меня официально перевели в отдел бухгалтерского учета.

– Он сын двоюродного брата управляющего директора одного из наших важных клиентов. Он видел тебя где-то и попросил, чтобы его с тобой официально познакомил.

Если б заведующий обратился ко мне с этим, когда рядом никого не было, я, скорее всего, отказалась бы знакомиться, хотя меня и просил об этом один из руководителей компании. Но он громко заговорил при всех – как раз в тот момент, когда сотрудники, начавшие вместе

со мной свою карьеру в лаборатории, упаковывали вещи в связи с переходом в другие отделы фирмы. Он вручил мне фотографию этого человека и папку с его личным делом. Все мои коллеги собрались вокруг с очень серьезными лицами.

Я раскрыла папку, где лежала фотография, и услышала женские голоса одобрения:

– Симпатичный!

Когда я достала его резюме, мужчины поддержали:

– Впечатляет!

Увидев их реакцию, заведующий спросил:

– Как тебе? Довольно неплохо, да?

– Отличная партия для тебя! – сказал кто-то. – Прекрасный шанс!

После этого я окончательно утратила возможность увильнуть от свидания и в итоге ответила, что буду очень рада познакомиться с ним.

Совершенно непонятно, почему такой крутой молодой человек, выпускник престижного университета, работающий в известной корпорации, к тому же привлекательной наружности, просил о встрече со мной – сотрудницей третьеразрядной компании, ничего из себя не представляющей, – и еще полагал, что я подхожу ему в качестве жены? Что я делала, когда он меня заметил? Такие мысли постоянно крутились у меня в голове в преддверии нашего свидания, и в конце концов я решила, что он меня с кем-то перепутал.

Мы оба не хотели традиционного свидания, устроенного с участием посредников; вместо этого договорились просто поужинать вдвоем. Но я чувствовала себя подавленной. Я теперь уже самостоятельно зарабатывала на жизнь, могла спокойно общаться с мужчинами, но никогда еще не ужинала наедине с мужчиной, с которым только что познакомилась.

Я надела весеннее розовое платье по совету одной назойливой коллеги, поступившей на работу в компанию одновременно со мной, и приехала в лобби отеля, где мы договорились встретиться. Там ко мне подошел человек с фотографии. Это был Такахиро.

Очень весело и вежливо он попросил прощения за то, что обратился к моему начальнику с просьбой о знакомстве, и поблагодарил за то, что я пришла в свой выходной день. Я как-то не смогла сразу найти правильные слова. Мы поднялись на верхний этаж в итальянский ресторан, и после того, как нашли подходящий столик, я протянула ему копию своего резюме, не очень-то впечатляющего. Однако Такахиро положил его на край стола, даже не взглянув.

– Вы же родом из... – и он назвал мой город. – Правда?

При упоминании моего города с хрустально-чистым воздухом я сглотнула. Он продолжал с улыбкой:

– Я тоже там жил, три года, с шестого класса начальной школы по второй средней. У нас разница два года, так что вряд ли вы помните меня.

Помню? Как я могла его помнить, когда я его и не знала? Если он учился в шестом классе, значит, я была в четвертом. В тот год как раз открыли фабрику и в школе появилось много новых учеников, переехавших к нам.

– Мне жаль, что вы не помните, – сказал он. – Но один раз мы играли вместе. Французские куклы. Вы там были главная и водили нас по домам посмотреть их.

А, значит, он тогда участвовал в нашем походе... Но все равно я не могла вспомнить его ребенком. Однако он поменял тему разговора прежде, чем я испытала неудобство, и до того, как вспомнила кражу французских кукол. Он прожил в городе три года и, конечно, не мог не знать о краже, о том, что я тоже имела к этому отношение. Может быть, он ушел от этого разговора специально, чтобы не будить во мне неприятные воспоминания?

Такахиро работал в отделе продаж наручных часов и часто ездил в Швейцарию. Как-то, предаваясь воспоминаниям о моем родном городе, он подумал, что тот немного похож на Швейцарию, потом увидел меня и захотел встретиться.

– Где же это произошло? – спросила я.

Такахиро ответил, что на вечере, устроенном компанией в честь окончания года.

Я назвала китайский ресторан, где происходила та вечеринка.

– Да, – обрадовался он, – там! Я был с другом, сидел рядом с вами и думал: «Неужели случаются такие совпадения?»

Он даже слегка смутился, сказал Такахиро, подумав, не судьба ли это сводит нас вместе? Сейчас, правда, я понимаю, что он говорил первое, что приходило ему в голову.

После этого мы с Такахиро начали встречаться раз или два в неделю. Обычно ужинали вместе, шли в кино или художественную галерею, и удивительно, что, когда я была с ним, исчезал страх того, что кто-то за мной следит. Поэтому каждый раз при прощании мне хотелось побыть с ним подольше.

Такахиро ни разу не предложил пойти с ним в отель, никогда не говорил, что хотел бы подняться в мою квартиру, где я жила одна. Разумеется, когда он подвозил меня домой на такси, я не приглашала его выпить у меня кофе. «Если б ты позвала его и он зашел бы, что тогда?» – задавал мне этот вопрос внутренний голос.

На нашем седьмом свидании Такахиро неожиданно сделал мне предложение.

Мы в тот день впервые держались за руки. Ничего особенно романтического не происходило. Мы пошли на премьеру известного мюзикла, и он держал меня за руку, чтобы мы не потеряли друг друга в толпе. Этого хватило, чтобы заставить мое сердце биться сильнее. Чуть позже, когда мы уже сидели в темном театральном зале, я впала в грустное настроение и даже пролила несколько слезинок.

– Я получил назначение на долгосрочную работу в Швейцарии и очень надеюсь, что ты поедешь со мной.

Такахиро сделал предложение за ужином, когда подали шикарный французский десерт и мы пили вино. Ресторан был очень уютный – каждый столик имел собственное изолированное пространство; идеальное место для предложения. Я чувствовала себя как во сне. Как я была бы счастлива, если б могла безоговорочно принять его...

Но я не могла. Причина существовала.

– Прости, – сказала я, поклонившись, – но я не могу принять твое предложение.

– Почему?

Нельзя сказать, что предложение было уж совсем неожиданным, но я очень разволновалась. Мне хотелось бы, чтобы я могла назвать любую другую, обычную причину для отказа. Сказать, например, что ему нужен более подходящий человек рядом. Но это было бы ложью. Поэтому я пошла прямым путем и раскрыла истинную причину.

Никогда я не думала, что мне придется открывать столь ненавистную правду в тот момент, когда мне делают предложение.

– *Я не совсем полноценная женщина.*

У него был ошарашенный вид. Думаю, он вообще не предполагал услышать такой ответ. До того, как меня успело полностью поглотить чувство стыда, я пояснила:

– Мне уже двадцать пять, но у меня ни разу не было месячных. Мое подсознание не хочет, чтобы я стала женщиной. У меня не может быть нормальных сексуальных отношений, я не могу родить ребенка. Такой человек, как ты, с таким прекрасным будущим, не может жениться на ущербной женщине вроде меня.

Впервые в жизни я проклинала то, как мой организм меня защищал. С сожалением я подумала, что нужно было еще тогда, в старшей школе, сделать все, что мне рекомендовали, – будь то уколы или консультации.

Я сдерживала слезы, чувствуя, что нельзя их показать. Зачерпнула кусочек десерта – это был воздушный белый мусс, украшенный разными ягодами: клубникой, малиной, клюквой, голубикой... С тех пор как я впервые услышала все эти названия, мой родной провинциальный городок не ослабил своей хватки.

– Это не имеет значения, – сказал Такахиро. – Если ты просто поедешь со мной, будет отлично. Видеть тебя дома, когда я, уставший, прихожу с работы, – все, что мне нужно. Я буду рассказывать тебе, как провел день, обнимать тебя и ложиться спать. Ничего более прекрасного не могу себе представить. Разве ты не хочешь поехать со мной, начать вместе новую жизнь?

А потом добавил:

– Для тебя было бы очень кстати уехать из Японии. Скорее всего, с тобой это происходит из-за убийства. Может быть, ты беспокоишься из-за того, что город вдруг напомнит тебе твой собственный и вернет в твое сознание все, тогда случившееся там? Но я могу гарантировать тебе, что в новом месте не будет убийцы и что я буду рядом, чтобы тебя защитить.

* * *

Я удивилась, когда Такахиро сказал, что надо бы пригласить на свадьбу вас, Асако, с мужем. Тогда я впервые узнала, что отец Такахиро и ваш муж – двоюродные братья.

– Когда Асако с мужем увидят меня, – спросила я его, – не вспомнят ли они сразу убийство и не начнут снова переживать по поводу всех тех событий?

Но он ответил, мол, вы говорили ему, что очень хотели бы присутствовать на нашей свадьбе.

Говоря начистоту, Асако, я не хотела видеть вас снова. Я боялась, что вы никогда не простите мне, что я не выполнила нашу договоренность и вместо этого стала искать собственное счастье. Но у меня не было права голоса. Это была семья Такахиро, в конце концов, его родители оба входили в руководство «Адачи маньюфэкчуринг». Они платили за все это экстравагантное мероприятие, которое должно было состояться в музее искусства, построенном известным архитектором и где уже проводили свадьбы знаменитые люди. Единственное, что я могла решить самостоятельно – какое у меня будет платье.

Но в день свадьбы вы, Асако, сказали мне, чтобы я забыла про убийство и наслаждалась жизнью. Вы даже не представляете, какая радость переполнила меня, когда я это услышала... И вторым, что так подняло мне настроение в тот день, был сюрприз, который подготовил мне Такахиро.

Когда мы с ним приступили к обсуждению свадьбы, я была уверена, что во время празднования переоденусь в коктейльное платье. Однако Такахиро полностью отверг эту идею, сказав, что я должна быть в белом платье до конца свадебного приема. Причина выяснилась позже, уже во время празднования: он неожиданно вручил мне коробку с бантом, и меня вместе с ней отвели в комнату ожидания.

Открыв коробку, я обнаружила там розовое платье. Вырез и подол были окантованы белыми перышками, а на талии и плечах красовались большие темные розы. Из таких же роз и белых перьев было сделано украшение для волос. Такой туалет мог бы быть у французской куклы, подумала я. Посмотрела в зеркало – и увидела перед собой нашу куклу, выставленную в гостиной моего старого дома.

Но почему? Не сразу я догадалась, что мы впервые встретились с Такахиро во время «французского тура». Тогда я, деревенская девочка, с гордостью показывала детям из большого города наши старинного вида куклы. Наверное, он вспомнил меня такой и заказал точную копию платья моей куклы, чтобы удивить меня и порадовать.

Когда я вернулась к гостям, Такахиро смотрел на меня затаив дыхание, а потом широко улыбнулся.

– Ты прекрасна! – воскликнул он.

Все произносили тосты в нашу честь и шутили. А через два дня после этого радостного события мы с Такахиро отправились в путешествие. Из окна самолета я видела, как удаляется земля, и все мое существо наполнилось чувством свободы.

«На новом месте не будет убийцы, и я всегда буду рядом, чтобы защитить тебя».
Но преступник был.

Город, в котором я оказалась, и вправду может похвастаться таким же свежим и чистым воздухом, как наш, но больше ничего общего у них нет. Этот город очарователен и красив. Прошло две недели нашей совместной жизни, и в ней есть только Такахиро и я.

Трудно поверить, что прошло всего две недели...

Кое-что меня немного удивило. До сих пор я могла рассуждать обо всем совершенно спокойно, но я не совсем уверена, что могу описать последующие события. Однако я должна сказать то, что у меня на душе.

Начну с того дня, когда мы приехали в этот город.

* * *

Такахиро сказал мне, что в нашем новом доме есть абсолютно все, что нужно, – мебель, посуда и прочее. Поэтому я избавилась от большинства вещей, которые были у меня, пока я жила одна. Я отправила сюда только минимум одежды и другие личные вещи. После нашей помолвки Такахиро несколько раз ездил в Швейцарию в командировки и подготовил дом для нашего приезда.

Мы прилетели в местный аэропорт утром, и несколько людей из его компании приехали нас встретить. Я пошла с Такахиро в офис, чтобы познакомиться с его коллегами. Мы вместе пообедали, меня всем представили, и мы даже получили симпатичные свадебные подарки. А потом вдвоем поехали в наш новый дом – машину дала фирма.

Я восхищалась в тот день всем, что видела, но у меня прямо перехватило дыхание от радости, когда мы оказались в престижном районе и увидели наш дом, похожий на старинный кукольный домик.

В нем было два этажа, внизу – просторная гостиная, столовая, совмещенная с кухней, и еще две комнаты. В гостиной стояли диван и книжный шкаф; я решила поместить там еще и большие напольные часы, которые нам подарили на свадьбу. Но в целом комната казалась пустой. В кухне хватало посуды и хозяйственных принадлежностей, однако я подумала, что неплохо было бы иметь для нас две парные чашки.

– Рыжая скатерть будет неплохо смотреться на обеденном столе, – заметила я и с восторгом добавила: – И мне хотелось бы расставить много фотографий около окна с эркером.

Такахиро улыбнулся и сказал, что я могу украшать все по своему вкусу.

– Но сперва давай распакуем вещи. – Коробки, отправленные из Японии, были сложены в одной из комнат на первом этаже.

На втором этаже были четыре комнаты разного размера.

– Самая большая, в глубине, – спальня, – сказал Такахиро, – остальные можешь использовать как захочешь.

Я всюду заглянула. «Квартира слишком велика для нас», – думала я, идя по широкому коридору к последней комнате. Уже взялась за дверную ручку, когда Такахиро попросил:

– Давай зайдем сюда попозже. Я тут уже все подготовил, когда приезжал без тебя. Сначала поедим.

Его слова и моя собственная застенчивость, когда речь зашла о нашей совместной спальне, помешали мне открыть дверь. Вместо этого я пошла с ним в ближайший ресторан.

Мы выпили пива и съели что-то из местной кухни, простое, но вкусное. Когда же мы в хорошем настроении вернулись домой, Такахиро вдруг подхватил меня на руки, перенес, как принцессу, через порог и стал подниматься вверх по лестнице. Пронес меня по коридору второго этажа, распахнул дверь самой дальней комнаты и аккуратно положил меня на что-то. Там было совершенно темно, но я поняла, что лежу на кровати.

Он расстегнул молнию на моем платье, и оно упало с плеч. В Японии после свадьбы мы несколько дней прожили в отеле, но Такахиро был так занят работой, готовясь к новому назначению, что между нами ничего не было. Однако сейчас, поняла я, время пришло. Даже притом, что мой организм был несовершенен, думала я, моя любовь должна научить меня сделать все правильно.

Сердце мое забилося часто, я задержала дыхание... и вдруг мне что-то очень осторожно надели на голову. Руки просунули в рукава, на спине застегнули молнию. Такахиро держал меня за руку. Я встала, а он тщательно разгладил подол моего длинного платья. Я поняла, что он просто передел меня.

В комнате стало светло. Такахиро включил одну из ламп. И в этот момент я увидела французскую куклу. С красивого деревянного резного столика у кровати на меня смотрело лицо точно такой куклы, как выставляли в гостиных в моем родном городке.

Он купил похожую куклу для меня? Нет. Под правым глазом у нее виднелась крошечная родинка, но платье было другое. Не розовое, а бледно-голубое. Такое же красовалось на мне.

Как в тумане, я развернулась, чтобы найти глазами Такахиро. Он смотрел на меня с улыбкой, как во время нашей свадьбы.

– *Моя драгоценная куклолка*, – сказал он.

– Что?.. – Я не успела ничего произнести охрипшим голосом, как он злобно закричал:

– *Молчи!*

Его улыбка сменилась раздраженным выражением, и именно тогда я вспомнила его ребенком в том «французском туре».

Я стояла как вкопанная, не понимая, что происходит, и не решаясь произнести хоть слово. Неожиданно на его лицо вернулось обычное веселое выражение, он усадил меня на кровать и сам присел рядом.

– Прости, что я закричал. Я напугал тебя? – Он говорил мягко, но я не в состоянии была ответить. Такахиро смотрел на меня, но казалось, что он меня не видит. Я молча разглядывала его.

– Ты же хорошая маленькая девочка, – произнес он, поглаживая своей большой рукой меня по голове.

И начал рассказ.

* * *

– До тех пор я никогда не влюблялся, – сказал Такахиро. – Все девочки, которых я знал – хорошо воспитанные, – соответствовали своим элитным семьям, но они были тщеславными глупыми существами, многие из них. Мама моя ничем от них не отличалась – постоянно жаловалась на сотрудников, которыми руководила (всем, по ее словам, не хватало компетенции), и на отца, работавшего в том же отделе.

А потом нам пришлось переехать. Я даже не мог поверить, что это место – часть Японии. Там не было просто-таки ничего. И детей, таких, как там, я тоже раньше никогда не видел – неотесанные, примитивные, очень завистливые. При мысли о том, что мне предстоит провести в их компании несколько лет, я просто сходил с ума.

Примерно в это время кто-то из девочек, живших в нашем доме, пригласил меня пойти посмотреть нечто *интересное*. Я понятия не имел, что речь идет о куклах, делать все равно было нечего, поэтому я отправился куда-то вместе с этими грязными детьми. Они просто открывали входные двери в чужих домах, даже не стуча, и выкрикивали: «Мы хотим посмотреть вашу куклу!» – а хозяйка, в свою очередь, вопили: «Прямо проходите!» И даже сами не высовывали носа. Весь рой врвался в дом, и все рассматривали, что там есть. Невероятно!

Однако поход и правда оказался довольно интересным. Внимательно глядя на выставленные там вещи – не только кукол, но и картины, сувениры, дипломы, – я представлял, что за люди живут в том или ином доме. И когда эти люди появлялись с напитками, чтобы угостить нас ячменным чаем или лимонадом, они оказывались именно такими, какими я их себе рисовал. Меня это поразило. В четвертом доме я понял, что все куклы походили на детей в семье, и стал внимательнее приглядываться к ним. Они выглядели то волевыми, то заносчивыми, но среди них не было умных – все полученные впечатления скорее оказались негативными.

Мне кажется, что предпоследний дом был твой. К моменту, когда мы в него попали, я уже изрядно устал и подумывал о том, как незаметно смыться, но тут увидел вашу куклу. И понял, что хочу ее иметь.

У этой куклы оказалось необычное лицо. Невозможно было определить, то ли это рано повзрослевшая девочка, то ли по-детски выглядящий взрослый человек. Мне страшно хотелось дотянуться до нее, потрогать ее лицо, ручки и ножки. Она так очаровательно выглядела! «Как было бы здорово, – думал я, – если б она всегда была рядом, да еще умела разговаривать...» У меня даже появились надежды на хозяйку этой куклы, но практически не было ничего общего между ее убогим видом и куклой, разве только родинка в одном и том же месте.

Даже придя домой, я не мог избавиться от мыслей об этой кукле. Слушая, как ругаются родители в соседней комнате, я думал про нее. Когда одноклассники смеялись надо мной, что я не знаю правил игры, у меня в голове возникал ее образ. В конце концов я принял решение. Она должна принадлежать мне.

Во время праздника люди были еще менее бдительны, чем обычно, поэтому украсть ее оказалось делом несложным. Кроме нее, я взял еще кукол в четырех других домах для того, чтобы никто не догадался, что мне нравится именно эта кукла, если вдруг меня поймают. Тех, других, я в тот же день выбросил в мусоросжигатель при заводе.

Я не мучился угрызениями совести, поскольку был уверен, что лучше меня никто не позаботится об этой кукле.

А вскоре случилось то убийство. Больше всего меня поразило то, что все пытались связать его с пропажей кукол. «Нет, – думал я, – не могут они принимать меня за убийцу!» Я отправился посмотреть на одного из тех, кто соприкоснулся с преступлением, чтобы проверить для себя обстановку. Я подошел к твоему дому. Увидел тебя, идущую из школы или из полиции, с опущенными глазами, в сопровождении твоей матери. На секунду мои глаза встретились с твоими – и я ощутил в теле холодок. У куклы был совершенно такой же взгляд, как у тебя.

До этого я считал, что хозяйка куклы была чумазым деревенским ребенком, но тут почувствовал, что все это может вырасти во что-то прекрасное. Ты, ростом чуть больше метра, была так чудесна, напоминая ожившую куклу... А это казалось мне еще прекраснее. Я мог бы не просто разговаривать с тобой, но и сидеть рядом, гулять вместе, обнимать, засыпая... У меня возникло предчувствие, что в один прекрасный день произойдет чудо.

Потом в газетах сообщили, что подозреваемый – мужчина лет сорока-пятидесяти, я перестал волноваться и думал только о тебе.

Кажется, ты не замечала этого, но я постоянно наблюдал за тобой. В школе, по дороге домой и даже напротив твоего дома. Вскоре родителей опять перевели на работу в Токио, и мы уехали туда. Но каждые каникулы я приезжал в твой город, посмотреть на тебя. Под предлогом того, что хочу встретиться с одним из наиболее приличных детей, живших там же.

Ты росла именно так, как я надеялся. В какой-то момент я стал беспокоиться, что ты окажешься недостаточно чистой и начнешь флиртовать с каким-нибудь мужчиной, но ты была далека от этого. Во время учебы в колледже однажды я хотел поговорить с тобой, но потом решил терпеливо ждать и готовить почву, чтобы ты стала моей.

«*Я не совсем полноценная женщина*». Когда я услышал эти слова, по телу у меня прошла дрожь; это было сильное ощущение – даже сильнее, чем когда мы встретились глазами. Потому что тогда я понял, что ты *настоящая* живая кукла. Если ты стала такой благодаря убийству, то я должен сказать спасибо убийце.

Иди ко мне поближе. В ночное время ты – моя кукла.

* * *

Возможно, Такахиро устал от долгой дороги или от длительного повествования, но скоро он погрузился в сон, при этом нежно меня обнимая.

Отвратительно, жутко... Невозможно выразить мои чувства в тот момент. Я поняла, что ощущение того, что за мной постоянно следят, не было плодом моего воображения. То, что наблюдателем оказался не убийца, не принесло мне большого облегчения. Напротив, я испугалась, что теперь попала в гораздо более странную историю. В ту ночь я не смогла заснуть. «Завтра же уеду в Японию», – стучало у меня в голове.

Однако утром, когда я потихоньку ускользнула из кровати, Такахиро не попытался меня остановить, хотя, уверена, заметил это. Я приняла душ, надела обычную одежду и приготовила простой завтрак из яиц и хлеба, которые мы купили накануне. К этому времени Такахиро стал обычным, таким, как всегда.

– Сегодня начинается моя работа, я должен идти, – сказал он. – Но если тебе будет одиноко или возникнут какие-то проблемы, в любое время звони мне на мобильный. – Он поцеловал меня на прощание и ушел в офис.

Может быть, вчера мне все приснилось?.. Нет, все и правда случилось. А что, если он выпил слишком много пива и был пьяным? Или ему так понравилась тогда кукла, что он действительно ее украл, а теперь придумал такую историю, чтобы замазать неловкость?

Пытаясь убедить себя, что все так и есть, я поднялась в спальню, начала там уборку – и увидела куклу, будто ждущую меня с обычным мягким выражением на лице. Теперь на ней было красное платье. В комнате, кроме кровати, находились стол и платяной шкаф, а на нем – парные гравировки. Я медленно подошла к нему и широко распахнула дверцы, висящие на двойных петлях. Внутри увидела много платьев всевозможных цветов. Каждого цвета по два – одно для меня, второе для куклы.

Слезы полились у меня рекой. Но постепенно они сменились улыбкой. Накануне вечером, когда Такахиро так неожиданно передел меня в темноте и заставил слушать его странную историю, я испугалась. Сейчас, днем, эти бесконечные безвкусные платья в шкафу казались забавными, даже смешотворными. Одежда, которую могли бы надеть клоуны в цирке.

«Где он купил все это и что было у него в голове, когда он их покупал?» – задумалась я. Разумеется, Такахиро не носил с собой картинки этих платьев, которые мы делали тогда цветными карандашами – как «памятки» у меня в записной книжке, которую я давно выбросила.

Когда он был ребенком, в его жизни чего-то не хватало. Чего-то существенного. Кукла в нашей гостиной, которую, вполне возможно, мы выбросили бы какое-то время спустя, дала ему то, что ему было нужно. А теперь я играю ее роль по несколько часов в день. Он вытащил меня из маленького сельского городка в это далекое место. Для того чтобы два уязвимых человека жили тут, необходима была абсурдная церемония, позволившая им скрывать свои несовершенства...

Я всегда умела убедить себя.

Вечером, когда Такахиро вернулся с работы и увидел, что я в той же обычной одежде, что и утром, он был явно недоволен. Прежде чем он успел хоть что-то сказать, я выпалила следующее:

– Смотри, все это пространство – место, где мы живем, как люди. Мы тут едим, моемся, ходим в туалет, принимаем душ. Разве ты не хочешь провести в нашей спальне настоящую ночь со мной?

Я нервничала. Для меня, куклы, было слишком смелым предложение *провести вместе ночь по-настоящему*, но он только широко улыбнулся и спросил:

– А что у нас на ужин?

Прошел второй невыносимый день, потом третий; я изображала куклу. Я вынуждена была молча слушать его речи и, что гораздо хуже, терпеть его руки у себя под платьем и его губы на своем теле. Со временем, правда, я как-то привыкла к этому, и мне даже хотелось, чтобы он больше прикасался ко мне. Сначала я с нетерпением ждала времени суток, когда превращалась в куклу, а потом очень огорчилась, что ночь заканчивается.

Но прошлая ночь была не похожа на остальные.

Меня с утра лихорадило, болел низ живота, и к полудню я еле держалась на ногах. Прилегла на диван в гостиной, натянула на себя одеяло и закрыла глаза. Меня очень раздражало тиканье часов, и я не могла никак заснуть. Засунула часы под диван и в итоге смогла немного поспать, но боль не проходила.

Вечером пришел Такахиро. Увидев мое бледное лицо, он заволновался. Я извинилась, что не приготовила ужин, но он велел мне не беспокоиться по этому поводу.

Под влиянием его заботливых слов я расслабилась, а это было ошибкой.

– Я хотела бы сегодня поспать тут, – сказала я ему.

– Я этого не допущу, – возразил Такахиро ледяным тоном.

Не знаю почему, но я разозлилась. Прошлой ночью не все было гладко – и, возможно, поэтому все вместе вызвало у меня ярость.

– Не смей заставлять меня играть в твои извращенные игры, когда я так себя чувствую! – закричала я.

Как только я это выкрикнула, сразу же почувствовала острую боль в щеке.

– *Что ты сказала?*

Лицо Такахиро было рядом с моим, и его выражение меня напугало. Но я не дрогнула. Я была вне себя от злости.

– Я сказала, что ты извращенец. Не говори мне, что ты сам этого не понимаешь!

Раздался громкий крик, опять острая боль в щеке, и я упала на пол. Он сел мне на живот, который болел уже очень сильно, и схватил меня двумя руками за горло.

– Забери назад свои слова! Если ты прямо сейчас заберешь их, я прощу тебя. Вставай на колени и проси прощения!

Вот именно тогда все и случилось. Я почувствовала, что-то теплое и липкое течет у меня по ногам. Я сразу поняла, что это, не вставая и не глядя на пол. В следующую секунду у меня в голове со страшной скоростью пронеслось все, случившееся перед убийством.

Девочки, играющие в мяч, человек в спецовке, оценивающий каждую взглядом, Эмили, которую он уводит, сцена в раздевалке...

Меня сейчас убьют!

Я не помню, что было дальше.

* * *

Позади обеденного стола, где я сейчас пишу это письмо, напротив дивана, на полу лежал Такахиро. Кровь уже не шла у него из головы, она потемнела и загустела. Рядом с ним – часы, все в крови. Даже отсюда было видно, что он не дышит.

Вероятно, я убила его.

В потоке картин из прошлого, крутившихся в моем сознании, вдруг появилась мысль.

Мы все обращались к убийце «дядя», это нормальное обращение детей к незнакомому взрослому мужчине средних лет, – но на самом деле он совсем не был старым, может быть, лет тридцати пяти. Теперь я знала, что кукол украл совсем другой человек. Срок давности по убийству был уже на исходе, и я всем сердцем молилась, чтобы эти факты оказались полезными и дело наконец раскрыли бы.

Теперь я выполнила условия соглашения?

Я собираюсь отправить вам это письмо и потом улететь в Японию. Не знаю, что они сделают с тем, кто убил мужа за границей, но в Японии я пойду в ближайший полицейский участок.

Возможно, мне придется провести какое-то время в тюрьме, но меня это не беспокоит, поскольку я знаю, что потом буду совершенно свободна. Откровенно говоря, на душе у меня спокойно. Как будто в итоге после всех этих лет я вернулась в старое время, до приезда вашей семьи в мой город. В то время, когда я дышала чистым хрустальным воздухом и ни о чем не беспокоилась.

Берегите себя.

Прощайте, ваша Саэ

Внеплановое собрание родительского комитета

Спасибо всем за то, что пришли на внеплановое собрание родительского комитета Третьей публичной начальной школы Вакаба. Я знаю, что вы очень заняты, и очень благодарна, что вы пришли сегодня, несмотря на дождь. Моя фамилия Синохара.

Обычно такие собрания ведет кто-то вышестоящий – директор или его заместитель. Но я единственный взрослый человек, который наилучшим образом может объяснить – вам, родителям, или представителям общественности – то, что вам необходимо знать. Поэтому настоятельно прошу вас разрешить мне обратиться к вам.

То, что я собираюсь вам сказать, нигде не записано и заранее не проверено. Поэтому, если я случайно скажу что-то, с вашей точки зрения, необдуманное, ответственность за это будет целиком моя, а не школы. Пожалуйста, имейте это в виду.

Мне хотелось бы начать с обсуждения событий, которые произошли в начале этого месяца в нашей школе. Я говорю о том случае, когда пострадал ребенок.

Произошло все в среду, пятого июля, около одиннадцати сорока пяти утра в бассейне, который находится на школьной площадке. В тот день в четвертом классе объединили первую и вторую группы для занятий плаванием. Была отличная солнечная погода, вполне для этого подходящая. Урок был сдвоенный, начался он в десять сорок и должен был завершиться в двенадцать двадцать. Я классный руководитель первой группы, а господин Танабэ – второй; оба мы отвечали за уроки.

Если смотреть от входа в спортивный зал, в котором вы сейчас находитесь, бассейн расположен справа по диагонали через школьную площадку. Его видно из зданий школы, в частности из здания номер три, самого дальнего от главных ворот. Вы выходите из того места, где дети меняют свою уличную обувь на шлепанцы, проходите мимо гимнастических снарядов и в итоге попадаете к бассейну. У входа в него есть металлическая сдвижная калитка.

Это единственный вход, обращенный к площадке.

Когда в бассейне не проводятся занятия плаванием, калитка заперта на висячий замок снаружи, а когда бассейном пользуются, мы оставляем ее незапертой, поскольку туда никто никогда не заходит. К тому же она остается открытой на тот случай, если кто-то из детей вдруг плохо себя почувствует, и тогда он сможет сразу пойти к врачу – медицинский кабинет расположен на первом этаже здания номер три.

Справа внутри при входе есть место, где дети хранят свою обувь, а потом всего несколько ступенек ведут к самому бассейну. Раздевалки и душевые кабины находятся сзади; таким образом, дети проходят рядом с бассейном, там, где трамплины – эта сторона немного шире, чем другая, – надевают купальные костюмы в раздевалке, принимают душ и собираются около трамплинов. Сзади, за забором из металлической сетки, находится частный мандариновый сад.

Надеюсь, вы таким образом представили себе, как все расположено.

Когда бы у детей ни проходили занятия в бассейне, родители каждый раз должны перед этим проверить и подписать справку о здоровье ребенка; таким образом, они всегда точно знают, когда их дети будут заниматься плаванием.

Однако в телеинтервью некоторые родители детей из моего класса настаивали на том, что школа никогда не информировала их о времени проведения урока плавания. Я с трудом могу в это поверить.

Помимо всего прочего, график уроков плавания напечатан и выделен жирным шрифтом в ежемесячном расписании занятий класса, который рассылается всем, поскольку для некоторых детей необходимо получать разрешения врача на такие уроки. Кроме того, всем раздают отдельное расписание занятий плаванием.

Пожалуйста, прошу правильно меня понять. Я не хочу, чтобы меня упрекали в язвительности. Посмотрите на все случившееся не глазами пострадавшего, а как взрослые люди, ответственные за безопасность детей, и как родители или просто жители нашего города.

Как указано в расписании, в четвертых классах были занятия плаванием восемь раз в этом семестре, два раза в неделю начиная с третьей недели июня. В тот день, о котором мы говорим сегодня, состоялось седьмое занятие. К этому времени дети уже полностью научились плавать, и все семьдесят человек из двух классов могли проплыть двадцать пять метров, ни у кого не было никаких особых проблем, все шло спокойно.

В течение заключительных тридцати минут урока ученики плавали на время вольным стилем двадцать пять метров. В одиннадцать тридцать пять, когда шел последний период занятия, дети как раз к этому готовились; мы вызывали их по алфавиту, как они записаны в классном журнале, и распределяли по дорожкам бассейна.

Всего в бассейне шесть дорожек. Те, которые ближе к площадке – с первой по третью, – занимали ученики первой группы, а вторая группа плавала по дорожкам четыре-шесть. Я находилась со стороны игровой площадки, а господин Танабэ – около раздевалок. Мы оба следили за своими ребятами.

По одной дорожке могли плавать примерно двенадцать человек; одновременно ее использовали трое, на расстоянии пяти метров один от другого. Остальные сидели около трамплина.

По моим часам, было одиннадцать сорок пять, и я как раз собиралась засекаеть время, за которое ребята проплывут дистанцию. Именно тогда этот мужчина, Сэкигути, ворвался в бассейн. Кадзуа Сэкигути, тридцати пяти лет, безработный – так сообщали в телевизионных новостях.

Хотела бы попросить вас вот о чем. Когда вы будете слушать мой рассказ, пожалуйста, постарайтесь представить все, что происходило тогда в бассейне. Вспомните снимки, которые вы видели по телевизору. Там показывали фото Сэкигути – ученика старшей школы; он выглядит на них худым, бледным, кротким молодым человеком. Тот, кого увидела я, не имел ничего общего с этим юношей. Чуть ниже меня, примерно метр шестьдесят пять, но очень полный, наверное, вдвое тяжелее меня, килограммов под сто.

Представьте его, пожалуйста.

Я работаю в школе три года, а господин Танабэ – шесть, поэтому он был главным учителем в классе. Я посмотрела на часы, поняла, что пора приступать к плаванью, повернулась к господину Танабэ, подала сигнал свистком, который висел у меня на шее, и подняла руку.

Именно в этот момент все и случилось. Человек, одетый во что-то вроде военной формы, выпрыгнул из-за раздевалок. В руке он сжимал нож с огромным лезвием, сантиметров двадцать длиной. Не понимая, что происходит, я стала изо всех сил свистеть.

Господин Танабэ с удивлением повернулся и заметил Сэкигути; тут дети стали кричать. Сэкигути кинулся на господина Танабэ и столкнул его в бассейн. Потом повернулся к сидящим рядом детям и замахнулся на них ножом. Ученики завизжали, но от страха не могли сдвинуться с места.

– Эта страна скоро развалится! – заорал Сэкигути и двинулся к детям. – Не соглашайтесь быть пленниками, имейте мужество выбрать смерть!

Я побежала к ним. Ничего, что я могла бы использовать как оружие, не попадалось мне на глаза. На мне был только купальник. Сэкигути схватил за руку мальчика, сидевшего ближе всего к шестой дорожке – это был Икэда, – и стал размахивать ножом. Продолжая свистеть как сумасшедшая, я прыгнула на него. Как на волейбольной площадке, принимая подачу, я прыгнула – и схватила Сэкигути за ноги. Он отлетел в сторону и поранил ножом собственную ногу. Схватился за рану двумя руками, рухнул на пол, перевернулся и свалился в бассейн.

Возможно, от боли, или потому что он не умел плавать, или из-за того, что был такой толстый, Сэкигути заорал:

– Помогите! – и начал барахтаться в воде, как утопающий.

Дети, еще находившиеся в воде, стали спешно из нее выбираться. Я велела им бежать на площадку, по телефону из раздевалки мальчиков связалась с полицией и попросила их вызвать «скорую помощь».

Икэда получил удар ножом в левый бок.

В раздевалке были полотенца, я схватила несколько штук и прижала к ране мальчика, чтобы остановить кровотечение. Пока я занималась этим, прибежала госпожа Окуи, школьная медсестра, и занялась ребенком. В этот момент я заметила, что Сэкигути держится за край бассейна и пытается вылезти из него.

Я подбежала и пнула его ногой в лицо. Тут появились другие учителя и «скорая».

Вот как все это произошло.

* * *

К счастью – я совсем не уверена, что это слово вообще здесь уместно, поскольку мальчик очень сильно пострадал, – Икэда поправится, хотя из-за серьезной раны он проведет в больнице не меньше месяца. Несколько детей разбили коленки, потому что упали, убегая, но Сэкигути больше никому не смог нанести вреда.

Родители и жители нашего города узнали о случившемся от детей; конечно, история появилась в газетах, на телевидении, в интернете – и вскоре в курсе событий была вся страна.

Я сделала все, что смогла. Мне очень жалко Икэду, но я уверена, что мои действия не дали случиться худшему. Несмотря на это, стали обвинять школу, причем не только все вы, но и люди, живущие далеко отсюда, которых я в глаза не видела.

Первым объектом обвинений стал господин Танабэ. После того как Сэкигути столкнул его в воду, он оставался в бассейне до приезда полиции, хотя глубина этого детского бассейна не больше метра. Пострадавший Икэда учился в его классе, и когда отец ребенка спросил сына, что делал все это время господин Танабэ, тот ответил:

– Госпожа Синохара оттолкнула бандита и спасла нас, а господин Танабэ все время прятался в бассейне.

Думаю, похожие разговоры произошли и в других семьях.

Дети говорили правду: господин Танабэ действительно прятался. Мне это непонятно. Мужчина бросил своих учеников, чтобы спрятаться самому. Этот поступок принес ему во всей Японии славу слабого и трусливого учителя.

Вы можете подумать, что господин Танабэ – высокий, спортивный, участник соревнований по теннису на первенство страны – не мог испугаться худенького мужчину с фотографии настолько, чтобы спрятаться. Вы понимаете теперь, почему я начала с описания внешности Сэкигути? Вы по-прежнему считаете, что он слабак и трус?

Что бы все вы сделали на его месте?

Люди всегда размышляют крайне эгоистично.

Возьмите фильм «Титаник». Вы не представляли себя на этом роскошном корабле в той сцене, когда он идет ко дну? Вам не казалось, что спаслись только вы? Не рисовали себе, как вам удалось найти доску, схватиться за нее и дожидаться помощи, не получив при этом никаких увечий?

Когда смотрите по телевизору съемки землетрясения или пожара, вы не представляете, как ловко уворачиваетесь от падающих зданий и еле спасаетесь? Когда услышали о подозрительном мужчине, ворвавшемся на территорию школы, разве вы не нарисовали себе картину – вы, самый находчивый, моментально изгоняете преступника?

Разве вы не стали возмущаться тем, что делал этот некомпетентный учитель, потому что сами повели бы себя совсем по-другому? Но тут вы не совершите ошибки – очень часто люди,

убежденные в том, что они сумели бы претворить в жизнь совсем иной сценарий, сталкиваясь с реальностью, не в состоянии сделать ни одного правильного шага.

«Хорошо, а как насчет вас? – спрашивают люди. – Вы что, полагаете, что храбрее всех, потому что кинулись на Сэкигути?» Многие так думают. На самом деле после этого случая, когда появились статьи, где обо мне говорили как о *храброй учительнице*, я получила огромное количество электронных писем, отправленных на адрес школы, в которых мне настоятельно рекомендовали не слишком гордиться собой.

Проблема, однако, гораздо глубже, чем кажется. Я вовсе не отличаюсь храбростью.

По-моему, люди, способные принимать правильные решения в чрезвычайных ситуациях, либо прошли хорошую подготовку для этого, либо сами пережили что-то похожее в прошлом. В моем случае это второй вариант.

Все случилось пятнадцать лет назад, летом; я училась тогда в четвертом классе.

Я окончила колледж в этой префектуре, получила диплом преподавателя, и меня приняли на должность учителя в Третьей публичной начальной школе Вакаба. Но родилась я и росла совсем в другом городе. Городе _____. Кто-нибудь знает его?

Это маленький городок в горной долине, с населением примерно как тот, в котором мы находимся. С экономической точки зрения эти два города тоже похожи. Здесь самый важный завод принадлежит судостроительной корпорации. Именно благодаря сходству городов, получив работу тут, в отдаленной префектуре, я почувствовала себя как дома.

Когда я прошу учеников описать их город, они обычно говорят «красивое море», «красивая природа». Это правильно, я думаю. Но, может, они просто повторяют то, чему их научили в младших классах? Мне кажется, нельзя полностью оценить свой город, пока ты не уехал из него.

Там, где я училась, нам говорили в начальных классах, что у нас очень чистый, свежий воздух. Нас этому учили, потому что, когда мы заканчивали третий класс, корпорация «Адачи маньюфэкчуринг» построила там завод по производству точного оборудования. Но, живя там, я не ценила этот воздух.

Здесь, конечно, тоже замечательный воздух, чудесно пахнет морем, если сделать глубокий вдох. Когда я начала тут работать, купила небольшую машину, чтобы добираться до школы. Уже на следующий год кое-где на ней появилась ржавчина. Когда я заметила это, то поняла, что в моем родном городке воздух и правда был безупречным.

Именно в начальной школе в моем маленьком городке и произошло убийство.

Последние здешние печальные события бурно обсуждались в газетах в течение первых трех дней, но через месяц, похоже, все уже забыли о случившемся, за исключением местных жителей. Почти ежедневно где-то в Японии происходят убийства, поэтому невозможно помнить долго о каком-то одном. И, в общем-то, не нужно, если только оно не касается тебя самого.

Убийство, случившееся в моем городе, произошло в начальной школе, поэтому о нем много писали, но сейчас, скорее всего, мало кто о нем помнит.

Было четырнадцатое августа.

Я уже говорила, что наши города примерно одинаковы, поэтому вам нетрудно вообразить собственный городок пятнадцать лет назад – думаю, вы понимаете, что я хочу сказать. В то время в таких местах дети обычно жили под одной крышей с бабушками и дедушками, поэтому праздник Обон не был особенным временем для таких семей. Честно говоря, для нас, детей, он был скучным. Приезжали родственники из больших городов, мы путались под ногами у взрослых, и наши родители кричали, чтобы мы «пошли на улицу поиграть». Но школьный бассейн не работал, а если мы уходили к реке, дома расстраивались и пугали нас тем, что из реки могут появиться духи умерших и схватить нас за ноги.

Никаких мест для развлечений у нас не существовало, не было даже минимаркета. Утром вместе с моей семьей и другими родственниками я ходила на кладбище, довольно рано пообедала, а потом была вынуждена бесцельно слоняться по городу, как беженка.

В таком же положении находились многие дети, не только я. Например, девочки из Западного района, с которыми я часто играла, мои одноклассницы – Саэ, Акико и Юка – тоже не знали, чем себя занять. К счастью, школа находилась в нашем районе, и мы часто вместе играли на ее территории.

С нами была еще девочка, которую звали Эмили. Приезжая.

С самых первых классов моей обязанностью было решать, в какие игры мы будем играть. Может быть, потому что я была такая высокая, одноклассники относились ко мне как к старшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.